

Конституционный Суд Российской Федерации

190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1

Заявитель: Горинов Алексей Александрович

26.07.1961 г.р., содержащийся в СИЗО-1

УФСИН России по Владимирской области

600021, Владимирская обл., г. Владимир, ул. 9 Января, д. 5А

Представитель: адвокат Подоплелова Ольга Германовна

Представитель: адвокат Тертухина Катерина Викторовна

14 апреля 2025 года

ЖАЛОБА

**на нарушение конституционных прав и свобод граждан
статьёй 207.3 УК Российской Федерации и частями 1 и 9 статьи 40
Федерального закона «Об общих принципах организации
местного самоуправления в Российской Федерации»**

Заявитель — Алексей Александрович Горинов — был привлечён к уголовной ответственности по пунктам «а», «б» и «д» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации за высказывания о действиях Вооружённых сил Российской Федерации (далее — «**вооружённые силы**») и государственной политике в связи с боевыми действиями в Украине. Эти высказывания были сделаны им в ходе заседания представительного органа местного самоуправления, членом которого он являлся.

Статья 207.3 УК Российской Федерации была принята через 8 дней после объявления «специальной военной операции» на территории Украины. Часть 1 данной нормы в изначально принятой редакции предусматривала ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании вооружённых сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности. Впоследствии диспозиция нормы была расширена за счёт криминализации публичного распространения заведомо ложной информации под видом достоверных сообщений либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории России в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на вооружённые силы или войска национальной гвардии Российской Федерации.

Часть 1 статьи 207.3 УК Российской Федерации устанавливает наказание в виде штрафа в размере от семисот тысяч до полутора миллионов рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года

до восемнадцати месяцев, либо исправительных работ на срок до одного года, либо принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишения свободы на тот же срок.

Часть 2 данной нормы предусматривает более строгую ответственность за совершение запрещённого частью 1 деяния с использованием служебного положения (пункт «а»), группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (пункт «б»), с искусственным созданием доказательств обвинения (пункт «в»), из корыстных побуждений (пункт «г») либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (пункт «д»). В таких случаях наказание включает штраф в размере от трёх до пяти миллионов рублей либо штраф в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от трёх до пяти лет, либо принудительные работы на срок до пяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пяти лет, либо лишение свободы на срок от пяти до десяти лет с аналогичным дополнительным наказанием.

Часть 3 статьи 207.3 УК РФ предусматривает наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пяти лет, если распространение заведомо ложной информации повлекло тяжкие последствия.

Заявитель оспаривает конституционность статьи 207.3 УК Российской Федерации, поскольку она не соответствует статьям 13 (части 1, 2 и 3), 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 28, 29 (части 1, 3, 4), 32 (части 1 и 2), 55 (части 2 и 3) и 130 Конституции Российской Федерации (далее — «**Конституция**»), в той мере, в которой они:

а) нарушают конституционные права Заявителя на свободу совести, мысли и слова и запрет на установление какой-либо идеологии как государственной или обязательной;

б) нарушают принцип равенства и запрет дискриминации, поскольку уголовно наказуемыми являются исключительно высказывания, содержащие либо критическую оценку вооружённых сил и органов власти, либо утверждения о фактах, не соответствующие официальной позиции органов власти.

Заявитель также оспаривает пункт «а» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации во взаимосвязи с частями 1 и 9 статьи 40 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — «**Закон № 131-ФЗ**»), поскольку эти нормы не соответствуют Конституции, её статьям 1 (часть 1), 3 (части 1, 2 и 3), 12, 17 (часть 1), 29 (части 1, 3 и 4), 32 (части 1 и 2), 55 (части 1 и 3) и 130, в той мере, в какой по своему буквальному смыслу и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они допускают привлечение муниципального депутата к уголовной ответственности за высказывания, сделанные в рамках осуществления полномочий, а

также использование статуса муниципального депутата в качестве квалифицирующего признака состава преступления — «с использованием служебного положения».

Жалоба содержит следующие разделы:

I. СВЕДЕНИЯ ОБ ОСПАРИВАЕМЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ, ИЗДАВШИХ ИХ	5
А. Сведения об оспариваемых нормативных правовых актах	5
Б. Сведения о государственных органах, издавших оспариваемые нормативные правовые акты	7
II. ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА ЗАЯВИТЕЛЯ	7
А. Возбуждение уголовного дела в отношении Заявителя	7
Б. Рассмотрение уголовного дела в отношении Заявителя в Мещанском районном суде города Москвы	8
В. Рассмотрение апелляционной жалобы Заявителя в Московском городском суде.....	10
Г. Мнение Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям по делу Заявителя.....	11
Д. Рассмотрение жалобы Заявителя в кассационной инстанции	12
III. ПОЗИЦИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ И ЕЁ ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ	13
А. Статья 207.3 УК Российской Федерации нарушает конституционные права Заявителя на свободу мысли и слова и запрет какой-либо идеологии как государственной или обязательной	13
1. Ограничения, установленные статьёй 207.3 УК Российской Федерации, не соответствуют конституционно допустимым целям	14
2. Статья 207.3 УК Российской Федерации устанавливает ограничения свободы мысли и слова, которые не являются необходимыми и соразмерными	19
а) Статья 207.3 УК Российской Федерации в той мере, в какой она запрещает распространение критических мнений, не является необходимой и соразмерной	20
б) Статья 207.3 УК Российской Федерации в той мере, в какой она запрещает распространение ложной информации как сведений о фактах, не является необходимой и соразмерной	23
3. Пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации, вводя квалифицирующий признак в виде мотива политической ненависти, нарушает конституционные права Заявителя в той мере, в какой эта норма необоснованно отягчает уголовную ответственность за критические или не соответствующие позиции государственных органов высказывания.	28
Б. Статья 207.3 УК Российской Федерации нарушает принцип равенства и запрет дискриминации, поскольку уголовно наказуемыми являются исключительно критические или несовпадающие с позицией государственных органов мнения и утверждения	30

В. Пункт «а» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации во взаимосвязи с частями 1 и 9 статьи 40 Закона № 131-ФЗ нарушают право Заявителя на свободу выражения мнения и участие в управлении делами государства в той мере, в какой — по своему буквальному смыслу и смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — они допускают неограниченное привлечение муниципального депутата к уголовной ответственности за высказывания и использование статуса муниципального депутата в качестве квалифицирующего признака состава преступления	35
1. Принцип парламентского иммунитета	35
2. Применение принципа парламентского иммунитета к муниципальному уровню	39
3. Значение принципа парламентского иммунитета в рамках дела Заявителя	40
IV. ТРЕБОВАНИЕ, ОБРАЩЕННОЕ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ	42

I. СВЕДЕНИЯ ОБ ОСПАРИВАЕМЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ, ИЗДАВШИХ ИХ

A. Сведения об оспариваемых нормативных правовых актах

1. **Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ** (первоначальный текст опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации, 17 июня 1996 года, № 25, ст. 2954):

Статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, -

наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до полутора миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное:

- а) лицом с использованием своего служебного положения;
- б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- в) с искусственным созданием доказательств обвинения;
- г) из корыстных побуждений;

д) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, -

наказывается штрафом в размере от трёх миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от трёх до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пяти лет.

2. **Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»** (первоначальный текст опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации, 6 октября 2003 года, № 40, ст. 3822):

Статья 40. Статус депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления

1. Депутату, члену выборного органа местного самоуправления, выборному должностному лицу местного самоуправления обеспечиваются условия для беспрепятственного осуществления своих полномочий.

<...>

9. Депутат, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо местного самоуправления не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности за высказанное мнение, позицию, выраженную при голосовании, и другие действия, соответствующие статусу депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, в том числе по истечении срока их полномочий. Данное положение не распространяется на случаи, когда депутатом, членом выборного органа местного самоуправления, выборным должностным лицом местного самоуправления были допущены публичные оскорбления, клевета или иные нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законом.

Б. Сведения о государственных органах, издавших оспариваемые нормативные правовые акты

- 1) Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (103265, г. Москва, Охотный ряд, д. 1);
- 2) Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (103426, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 26);
- 3) Президент Российской Федерации (103132, г. Москва, ул. Ильинка, д. 23).

II. ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА ЗАЯВИТЕЛЯ

A. Возбуждение уголовного дела в отношении Заявителя

1. Алексей Александрович Горинов (далее – «**Заявитель**») с 10 сентября 2017 года являлся депутатом Совета депутатов муниципального округа Красносельский города Москвы. Он был привлечён к уголовной ответственности за высказывания о войне в Украине, сделанные в рамках исполнения своих полномочий муниципального депутата.

2. 15 марта 2022 года Заявитель принял участие в заседании Совета депутатов муниципального округа Красносельский. Во время обсуждения вопроса о проведении конкурса детских рисунков он выразил свою позицию относительно действий вооружённых сил Российской Федерации на территории Украины, заявив следующее:

«Я считаю, что принимать этот план не нужно. О каком досуге и развлечении может идти речь, когда мы все перешли сейчас к качественно иному укладу жизни, когда на территории соседнего суверенного государства ведутся боевые действия, осуществляется агрессия нашей страны? О каком конкурсе детского рисунка может идти речь или об организации танцевальных программ, приуроченных ко Дню Победы, когда у нас каждый день гибнут дети (для информации скажу, около 100 детей погибли в Украине), дети становятся сиротами, и внуки и правнуки участников Второй мировой войны сейчас брошены в пекло этих боевых действий на территории Украины. Я считаю, что все усилия гражданского общества должны быть направлены только на то, чтобы остановить войну и вывести войска России с территории Украины. Если бы пункты плана были посвящены этим вопросам, я бы с удовольствием проголосовал. В таком виде я лично голосовать не буду, а дальше на ваше усмотрение <...> Я считаю, это главный вопрос гражданского общества. Остановить войну, вывести войска с территории соседнего государства, остановить агрессивные действия».

3. Заседание записывалось на видео, которое впоследствии было опубликовано на YouTube-канале «Муниципальный округ Красносельский», имеющем неограниченный доступ для пользователей, под названием «5-е заседание СД МО Красносельский от 15 марта 2022 года».

4. 25 апреля 2022 года в отношении Заявителя было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного пунктами «а», «б», «д» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации. Основанием для возбуждения дела послужили вышеуказанные высказывания Заявителя.

5. 27 апреля 2022 года Пресненский районный суд города Москвы избрал в отношении Заявителя меру пресечения в виде содержания под стражей, которая применялась к нему в течение всего срока предварительного следствия и судебного разбирательства.

6. 1 мая 2022 года Заявителю было предъявлено окончательное обвинение, а также вручено уведомление о завершении следственных действий. Таким образом, расследование по его делу было завершено всего за шесть дней.

Б. Рассмотрение уголовного дела в отношении Заявителя в Мещанском районном суде города Москвы

7. В ходе судебного разбирательства Заявитель ходатайствовал о приостановлении производства по делу и обращении суда в Конституционный Суд с запросом о конституционности статьи 207.3 УК Российской Федерации (**Приложение № 7**). Он отметил, что данная норма фактически предполагает привлечение к уголовной ответственности за распространение информации и выражение мнения об использовании вооружённых сил Российской Федерации, которые оценены органами государственной власти России как ложные. Он утверждал в связи с этим, что статья 207.3 УК Российской Федерации содержит явные признаки несоответствия Конституции и требует конституционно-правовой дисквалификации, поскольку она подрывает идеологическое и политическое многообразие как основу конституционного строя России и подавляет свободу мысли и слова в нарушение статей 13 (части 1, 2 и 3) и 29 (части 1 и 3) во взаимосвязи со статьями 54 (часть 2), 55 (части 2 и 3) и 56 (части 1 и 3) Конституции России.

8. Прокурор, поддерживавший государственное обвинение, возразил против удовлетворения ходатайства Заявителя, поскольку «статья УК РФ, введённая федеральным законом, не может противоречить Конституции» (**Приложение № 8**). Суд отказал в удовлетворении ходатайства о приостановлении производства по делу и обращении в Конституционный Суд, согласившись с мнением прокурора и указав, что сторона защиты «не лишена возможности самостоятельно обратиться в Конституционный Суд» (**Приложение № 8**).

9. 8 июля 2022 года Мещанский районный суд города Москвы признал Заявителя виновным в публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации о действиях вооружённых сил Российской Федерации, совершённом лицом с использованием своего служебного положения, группой лиц по предварительному сговору и из мотивов политической ненависти (**Приложение № 10**). Суд квалифицировал эти действия как преступление, предусмотренное пунктами «а», «б», «д» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации.

10. Согласно приговору, 15 марта 2022 года во время заседания Совета депутатов муниципального округа Красносельский Заявитель совместно с Еленой Котёночкиной, председателем Совета (чьё уголовное дело было выделено в отдельное производство), используя своё служебное положение депутата, осознавая противоправный характер и общественную опасность своих действий, предвидя их последствия в виде дискредитации и подрыва авторитета государственной власти и вооружённых сил Российской Федерации, руководствуясь мотивом политической ненависти, выразившейся в «пренебрежительном, недружелюбном, враждебно-агрессивной отношении к действующим органам власти Российской Федерации», сообщил под видом достоверных сведений заведомо ложную информацию:

- о ведении Российской Федерацией на территории иного суверенного государства военных агрессивных действий, именуя их не специальной военной операцией, а «войной»;
- о направлении вооружённых сил Российской Федерации на территорию Украины с целью захвата её территории, ликвидации её независимости, изменения её политического или общественного строя;
- о ежедневной гибели на территории Украины детей в результате ведения Российской Федерацией военных действий;
- о том, что действия вооружённых сил Российской Федерации на территории Украины, как элемент системы государственной власти, являются действиями «фашистского государства».

Суд указал, что эти утверждения «не соответствуют официальной позиции Министерства обороны Российской Федерации, изложенной в официальных брифингах», «негативно характеризовали действия Вооружённых сил Российской Федерации на территории Украины» и «имели признаки обоснования необходимости противодействия использованию Вооружённых сил» (**Приложение № 10**, стр. 5 и 6). По мнению суда, размещение видеозаписи заседания на YouTube «способствовало введению в заблуждение неограниченного круга лиц, вызывая у граждан чувства тревоги, страха, беспокойства и незащищённости со стороны государства». При этом суд отметил, что Заявитель при совершении инкриминируемого ему деяния «осуществлял полномочия выборного должностного лица местного самоуправления и выполнял функции представителя власти, выступал от лица органа местного самоуправления, обладающего правом представлять интересы населения и принимать от его имени решения» (**Приложение № 10**, стр. 6 и 19).

11. В ходе судебного разбирательства Заявитель вину не признал, указав, что инкриминируемые ему высказывания являются выражением его личного мнения и убеждений, сформированных на основе информации, полученной из различных источников. Сторона защиты заявляла ходатайство о приобщении таких источников в качестве доказательств. В их число входили, в частности, акты международных организаций, включая резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (**Приложение № 6**).

Однако суд при вынесении приговора указал, что данные доказательства стороны защиты «носят односторонний характер» (**Приложение № 10**, стр. 22).

12. Суд отклонил довод защиты о том, что уголовное преследование Заявителя нарушает его право на свободу выражения мнения, закреплённое в статье 10 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод, статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — «**Пакт**»), а также статье 19 Всеобщей декларации прав человека. Суд лишь указал, что это право может быть ограничено в интересах безопасности и общественного порядка, предотвращения беспорядков или преступлений (**Приложение № 10**, стр. 22). Суд проигнорировал довод защиты о том, что Заявитель, обладая статусом муниципального депутата, не подлежал уголовной ответственности за высказывания, сделанные в рамках исполнения своих представительских полномочий. Этот довод основывался на гарантиях, предусмотренных, в том числе, частью 1 статьи 40 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (**Приложение № 9**, стр. 5-8)

13. Таким образом, Заявитель был привлечён к уголовной ответственности на основании оспариваемой нормы – статьи 207.3 УК Российской Федерации. Суд назначил ему наказание в виде 7 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, а также запрета на замещение должностей в государственных и муниципальных органах и учреждениях, связанных с осуществлением управленческих функций, выполнением организационно-распорядительных и хозяйственных полномочий, сроком на 4 года.

В. Рассмотрение апелляционной жалобы Заявителя в Московском городском суде

14. 8 июля 2022 года Заявитель подал апелляционную жалобу на приговор в Московский городской суд. Среди прочего, он, *во-первых*, вновь заявил, что вменённые ему высказывания являются выражением его мнения, а его уголовное преследование нарушает его соответствующие права, гарантированные статьями 13 и 29 Конституции, статьёй 10 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и статьёй 19 Пакта. Общий запрет на высказывания о вооружённых силах, не соответствующих официальной позиции Министерства обороны, установленный статьёй 207.3 УК Российской Федерации, является чрезмерным и несовместимым с указанными нормами Конституции и международных договоров, включая гарантии идеологического и политического разнообразия (**Приложение № 11**, стр. 11-14). *Во-вторых*, он повторил довод о том, что его уголовное преследование за политические высказывания, сделанные в рамках исполнения служебных обязанностей, нарушает гарантии защиты муниципального депутата (**Приложение № 11**, стр. 4-7).

15. Заявитель также вновь заявил ходатайство о приостановлении производства по делу и обращении суда в Конституционный Суд с запросом о конституционности статьи 207.3 УК Российской Федерации (**Приложение № 13**). Московский городской суд отказал в удовлетворении ходатайства (**Приложение № 14**).

16. 19 сентября 2022 года Московский городской суд рассмотрел апелляционную жалобу Заявителя и исключил указание на совершение преступления по предварительному стовору, однако переqualificировал его действия как совершённые группой лиц, снизив срок лишения свободы на один месяц. В остальной части приговор был оставлен без изменений, а жалоба – без удовлетворения.

Суд, *во-первых*, указал, что в силу части 3 статьи 55 Конституции права и свободы, включая свободу мысли и слова, могут быть ограничены в целях защиты закреплённых в этом положении ценностей (**Приложение № 15**, стр. 17-18); и, *во-вторых*, отметил, что привлечение муниципального депутата к уголовной ответственности за его высказывания возможно ввиду принципа равенства всех перед законом, закреплённого в части 1 статьи 19 Конституции (**Приложение № 15**, стр. 16-17). Суд также отказал в удовлетворении ходатайства Заявителя об обращении в Конституционный Суд, констатируя, что «мотив, изложенные стороны защиты..., фактически связаны не с возникшей неопределённостью о соответствии Конституции указанной нормы уголовного закона, а с несогласием с приговором суда и действиями законодательной власти Российской Федерации по дополнению Уголовного кодекса Российской Федерации статьёй 207.3» (**Приложение № 14**, стр. 6-7).

Г. Мнение Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям по делу Заявителя

17. 13 июля 2022 года Заявитель подал жалобу в Рабочую группу ООН по произвольным задержаниям (далее — «**Рабочая группа**»). Среди прочего, он указал, что его лишение свободы является произвольной и несоразмерной мерой, нарушившей его права на свободу выражения мнения и права на участие в ведении государственных дел (**Приложение № 20**). Российская Федерация участвовала в рассмотрении дела по этой жалобе и представила свою позицию в письменном виде 23 сентября 2022 года.

18. 16 ноября 2022 года Рабочая группа приняла Мнение 78/2022, в котором признала лишение свободы Заявителя произвольным и установила нарушения статей 2, 3, 7, 9, 19 и 21 Всеобщей декларации прав человека и статей 2(1), 9(3), 19, 25 и 26 Пакта (**Приложение № 20**). В частности, Рабочая группа пришла к следующим выводам:

- Высказывания Заявителя не содержали призывов к насилию, а, напротив, были направлены на прекращение войны и её последствий. Соответственно, они подпадали под защиту права на свободу выражения мнения, гарантированного статьёй 19 Пакта, поскольку, как подчеркнула Рабочая группа, «трудно представить вопрос, который находился бы в большей степени в сфере защиты права на свободу выражения мнения» (пункт 81).
- Заявитель, как избранное должностное лицо, имел право участвовать в ведении государственных дел, что включает в себя возможность критиковать власть и свободно участвовать в политических дискуссиях.

В этом контексте его лишение свободы за высказывания, сделанные в рамках осуществления этого права, представляет собой нарушение статьи 25 (а) Пакта (пункт 83).

- Российские власти не представили никаких аргументов или доказательств, которые могли бы оправдать ограничение этих прав и свобод в соответствии с допустимыми основаниями, предусмотренными Пактом. Государство не смогло обосновать, почему привлечение Заявителя к уголовной ответственности являлось правомерным, необходимым и соразмерным ответом на его антивоенные высказывания (пункт 84).
- Заявитель был лишён свободы на основании статьи 207.3 УК Российской Федерации, которая используется для преследования тех, кто критикует российское правительство и вооружённые силы в связи с войной в Украине, что является нарушением запрета дискриминации на основании политических взглядов по смыслу статей 2 (1) и 26 Пакта (пункт 92).

19. Рабочая группа предложила Правительству Российской Федерации принять меры, необходимые для безотлагательного урегулирования ситуации Заявителя и приведения её в соответствие с соответствующими международными нормами, включая нормы, закреплённые в Пакте и Всеобщей декларации прав человека (пункт 96). Кроме того, учитывая обстоятельства дела, Рабочая группа указала, что Заявителя следует немедленно освободить и предоставить ему право на компенсацию и другие формы возмещения вреда в соответствии с международным правом (пункт 97).

Д. Рассмотрение жалобы Заявителя в кассационной инстанции

20. 12 декабря 2022 года Заявитель подал кассационную жалобу во Второй кассационный суд общей юрисдикции, повторно изложив доводы, которые он уже заявлял в апелляционной жалобе (**Пункт 14 выше**). В частности, со ссылкой на Мнение Рабочей группы он вновь заявил, что его уголовное преследование по статье 207.3 УК Российской Федерации нарушает его свободу мысли и слова, а сама статья в целом подрывает идеологическое и политическое многообразие как основу конституционного строя России. Кроме того, он повторил довод о недопустимости его уголовного преследования за деятельность в качестве муниципального депутата (**Приложение № 16**, стр. 16-20).

21. Заявитель также вновь заявил ходатайство о приостановлении производства по делу и обращении суда в Конституционный Суд с запросом о конституционности статьи 207.3 УК Российской Федерации (**Приложение № 18**). Второй кассационный суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении ходатайства (**Приложение № 19**).

22. 8 августа 2023 года Второй кассационный суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении кассационной жалобы, сославшись на основания, аналогичные тем,

которые были приведены в оспариваемых судебных актах (**Приложение № 21**). При этом суд никак не отреагировал на довод Заявителя о Мнении Рабочей группы.

23. Заявитель подал кассационную жалобу в Верховный Суд Российской Федерации (далее — «**Верховный Суд**») (**Приложение № 22**). Он повторил доводы, заявленные в судах нижестоящих инстанций.

24. 7 февраля 2025 года Верховный Суд отказал в передаче кассационной жалобы без её рассмотрения по существу (**Приложение № 23**).

Таким образом, Заявитель был привлечён к уголовной ответственности на основании статьи 207.3 УК Российской Федерации за распространение на заседании совета депутатов муниципального округа Красносельский города Москвы информации, которая была квалифицирована органами публичной власти как не соответствующая официальной позиции Министерства обороны Российской Федерации, негативно характеризующая действия вооружённых сил и имевшая признаки обоснования необходимости противодействия их использованию. При этом статус муниципального депутата был учтён для применения квалифицирующего признака в виде совершения деяния «лицом с использованием своего служебного положения» (пункт «а» части 2).

III. ПОЗИЦИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ И ЕЁ ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ

A. Статья 207.3 УК Российской Федерации нарушает конституционные права Заявителя на свободу мысли и слова и запрет какой-либо идеологии как государственной или обязательной

Часть 1 статьи 207.3 УК Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании вооружённых сил в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на вооружённые силы или войска национальной гвардии Российской Федерации. Она также устанавливает наказание в виде штрафа, исправительных и принудительных работ, либо лишения свободы на срок до пяти лет.

Исходя из буквального смысла статьи и практики её применения, к «заведомо ложной информации» относится любое сообщение о действиях вооружённых сил или государственных органов, которое противоречит официальной позиции государственных органов (**Приложение № 24**). Более того, уголовная ответственность может наступать и за высказывания, исключительно выражающие критическую оценку действий вооружённых сил или государственных органов, поскольку

правоприменительная практика не отделяет фактологические утверждения от мнений, тем самым допуская преследование за оценочные суждения (**Приложение № 24**).

Состав преступления, предусмотренного статьёй 207.3 УК Российской Федерации, является формальным, и для привлечения к ответственности не требуется установления каких-либо последствий в виде реального вреда или воздействия на общественное мнение – достаточно самого факта распространения информации.

Части 2 и 3 оспариваемой нормы вводят квалифицирующие признаки данного состава. В частности, пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации закрепляет квалифицирующий признак совершения преступления «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Этот признак влечёт за собой повышенную уголовную ответственность, которая выражается в более строгом наказании, включая лишение свободы на срок до десяти лет. Это наказание в два раза превышает санкцию, предусмотренную для основного состава преступления, описанного в части 1 этой статьи.

Объективная сторона деяния, запрещённого статьёй 207.3 УК Российской Федерации, охватывает действия, направленные на передачу информации неопределённому кругу лиц. Тем самым, установленная данной нормой уголовная ответственность является формой вмешательства в свободу слова и распространения информации.

Однако статья 207.3 УК Российской Федерации не отвечает требованиям, предъявляемым Конституцией и международными нормами к такому вмешательству. *Во-первых*, она не преследует ни одну из конституционно-значимых целей, которые могли бы оправдать ограничения свободы слова и мнений. *Во-вторых*, в любом случае, она не является необходимой и вводит несоразмерные ограничения на конституционные права и свободы. Эти аспекты будут рассмотрены последовательно ниже.

1. Ограничения, установленные статьёй 207.3 УК Российской Федерации, не соответствуют конституционно допустимым целям

Конституционный Суд неоднократно указывал, что любое ограничение прав и свободы должно преследовать конституционно одобряемые цели и быть не только юридически, но и социально оправданным (постановления от 22 июня 2010 года № 14-П, от 13 апреля 2017 года № 11-П, от 23 октября 2020 года № 43-П и от 17 ноября 2022 года № 50-П). При этом такие цели не могут сводиться к рационализации работы органов власти (постановления от 3 июля 2018 года № 28-П, от 11 февраля 2019 года № 9-П) или пресечению распространения взглядов и мнений, которые не укладываются в общепринятые представления (определение от 2 июля 2013 года № 1053-О). При этом установление отсутствия законной цели вмешательства в конституционное право исключает дальнейшую потребность в анализе соразмерности такого вмешательства (постановление от 28 декабря 2020 года № 50-П).

В своей практике Конституционный Суд также подчёркивает, что, в соответствии со статьёй 13 (части 1 и 2) Конституции, Россия как демократическое правовое государство основывается на принципах идеологического и политического многообразия (постановление от 17 мая 2021 года № 19-П). Законодательное регулирование должно отвечать этим принципам, являющимся основами конституционного строя (постановление от 17 мая 2024 года № 23-П).

Исходя из этого, статья 207.3 УК Российской Федерации с учётом контекста её принятия объективно не просто не преследует ни одну из конституционно одобряемых целей ограничения прав, но фактически направлена на достижение скрытой антиконституционной цели подавления любой формы политического плюрализма и инакомыслия.

Законопроект № 464757-7¹, в рамках которого была принята поправка о введении в УК РФ новой статьи 207.3, был внесён в мае 2018 года и изначально касался совершенно другого вопроса — введения уголовной ответственности за исполнение или поддержку международных санкций, введённых в отношении России. Законопроект долгое время не рассматривался, а 3 марта 2022 года, то есть спустя восемь дней после начала «специальной военной операции», ко второму чтению были спешно подготовлены и внесены поправки, вводящие уголовную ответственность за распространение ложных сведений об использовании вооружённых сил, и тем самым не просто меняющие концепцию законопроекта, а концептуально с его содержанием никак не связанные.

Предложенные поправки были приняты за один день и без обсуждения по существу. Не была подготовлена пояснительная записка к данной статье, в которой обосновывалась бы конституционно допустимая цель введения ограничительных мер. При обсуждении предложенных поправок депутат И.А. Панькина заявила:

«<...> Та волна ложной информации и *необъективной критики* [выделено нами. – представители Заявителя], которая сеет панику в обществе и распространяет абсолютно ложную информацию в отношении действий нашей армии, требует неотложных и принципиальных решений».

Председатель Государственной Думы В.В. Володин добавил также:

«<...> Есть возможность, что уже буквально завтра [новые нормы УК Российской Федерации] ... заставят тех, кто лгал и делал заявления, дискредитирующие наши вооружённые силы, понести наказание, причем очень жёсткое. Хотелось бы, чтобы все понимали, и общество понимало, что *мы это делаем для того, чтобы защитить наших солдат и офицеров. Для того, чтобы защитить правду* [выделено нами. – представители Заявителя]».

¹ Рассмотрение Государственной Думой вопроса о принятии во втором и третьем чтении законопроекта № 464757-7. Фрагмент видеозаписи заседания 4 марта 2022 года. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7>.

Соответственно, уже при внесении соответствующих изменений в УК Российской Федерации авторы статьи 207.3 не скрывали, что эта норма прямо нацелена на подавление критики и свободной конкуренции мнений об использовании вооружённых сил и проводимой государством политике.

Применительно к целям статьи 207.3 УК Российской Федерации Комиссар Совета Европы по правам человека отметил, что введение ответственности в том числе за распространение «ложной информации» о действиях российской армии не оставляет места для свободы слова и мнения о войне². Кроме того, специальные докладчики по свободе слова ООН, ОБСЕ, Межамериканской комиссии по правам человека и Африканской комиссии по правам человека и народов — в своем совместном заявлении характеризовали эту меру как «репрессивную» и нацеленную на создание государственной монополии на информацию, что нарушает международные обязательства России³.

Специальные докладчики ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, по вопросу о свободе мирных собраний и ассоциации и по положению правозащитников также заявили, что оспариваемая норма установила «полное ограничение информации о войне и, таким образом, официально одобряет дезинформацию»⁴. Представитель ОБСЕ по свободе СМИ также заключил, что «обвинения в распространении «ложной информации» в связи с российским вторжением в Украину используется для целей подавления протестных высказываний»⁵. На цель политически мотивированного подавления высказываний

² Заявление Комиссара Совета Европы по правам человека. Российские власти должны остановить беспрецедентное подавление свободы выражения, собрания и ассоциации в стране. 7 марта 2022 года. URL: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/russian-authorities-should-stop-the-unprecedented-crackdown-on-freedoms-of-expression-assembly-and-association-in-the-country>.

³ Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, Специальный докладчик по вопросу свободы выражения мнений Межамериканской комиссии по правам человека и Специальный докладчик по вопросу свободы выражения мнений и доступа к информации Африканской комиссии по правам человека. Совместное заявление о вторжении России и значении свободы выражения мнений и информации. 4 марта 2022 года. URL: <https://www.ohchr.org/ru/statements-and-speeches/2022/05/ukraine-joint-statement-russias-invasion-and-importance-freedom>.

⁴ Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Специальный докладчик ООН по вопросу о правах на свободу мирных собраний и ассоциации, Специальный докладчик ООН по вопросу о положении правозащитников и правозащитниц. Совместное заявление: Россия: эксперты ООН обеспокоены в связи с тотальным ограничением информации. 12 марта 2022 года. URL: <https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2022/03/russia-un-experts-alarmed-choking-information-clampdown>.

⁵ Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. Заявление: Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ решительно осуждает продолжающуюся практику судебного преследования журналистов в России. 15 августа 2022 года. URL: <https://www.osce.org/representative-on-freedom-of-media/524175>

гражданского общества также указывает Доклад ОБСЕ о правовой и административной практике Российской Федерации⁶.

Таким образом, учитывая скорость, ненадлежащую процедуру и предпосылки её принятия, а также позиции представителей власти и международных органов, в том числе тех, в которых участвует Российская Федерация, статья 207.3 УК Российской Федерации прямо нацелена на подавление распространения независимой информации, споров, дискуссий и свободной конкуренции мнений об использовании вооружённых сил и исполнении государственными органами своих полномочий за рубежом, а также публичного выражения критических взглядов и убеждений.

Кроме того, практика применения оспариваемой нормы наглядно подтверждает её фактическую антиконституционную направленность. Она показывает, что на деле статья 207.3 УК РФ используется для запрета либо критики в адрес вооружённых сил, государственных органов и политики власти в целом, либо распространения сведений, которые расходятся с официальной позицией государства. Чаще всего преследуемые высказывания содержат оба этих элемента одновременно.

В настоящий момент опубликованы 78 судебных актов, связанных с уголовными делами по ст. 207.3 УК Российской Федерации (**Приложение № 24**). Из них только в 46 актах содержится достаточное описание обстоятельств дела, из которого можно сделать вывод о характере информации, за распространение которой лицу было предъявлено соответствующее обвинение.

Абсолютное большинство из этих дел связано с утверждениями о совершении вооружёнными силами военных преступлений, таких как нападения на гражданские объекты, убийства мирных жителей, изнасилования или пытки. Несколько дел касаются заявлений о высоких потерях вооружённых сил и их неэффективности. Например, Игорь Барышников был приговорён к 7 годам и 6 месяцам лишения свободы за посты в социальных сетях о том, что российские военные несут ответственность за военные преступления, например, обстрел роддома в Мариуполе или «кровопролитие и преступления в отношении мирных жителей Бучи»⁷. Также к ответственности была привлечена журналистка Мария Пономаренко за публикацию в телеграм-канале об уничтожении драмтеатра в Мариуполе⁸.

⁶ Докладчик ОБСЕ Ангелика Нуссбергер. Доклад о правовой и административной практике Российской Федерации в свете принятых в ОБСЕ обязательств в области человеческого измерения. 16 сентября 2022 года, стр. 60. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/c/e/526723_0.pdf.

⁷ Коммерсантъ. «64-летний калининградский активист Барышников приговорен к 7,5 года за фейки об армии». 22 июня 2023 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6056786>.

⁸ Forbes. «Журналистку Марию Пономаренко приговорили к шести годам колонии по делу о “фейках”». 15 февраля 2023 года. URL: <https://www.forbes.ru/society/484974-zurnalistku-mariu-ponomarenko-prigovorili-k-sesti-godam-kolonii-po-del-u-o-fejkah>.

Однако также распространены уголовные наказания за высказывания, которые не содержат утверждений о фактах, а только оценочные суждения или выражения эмоций, в принципе не подлежащие верификации. Например, известны случаи уголовного преследования за использование слова «война» вместо выражения «специальная военная операция». Несколько дел включают оскорбления или негативные характеристики и выражения в адрес руководства Российской Федерации или армии в целом, например «фашисты» или «орки» (**Приложение № 24**). Также известно о преследованиях за выражения сочувствия Украине. Например, священник Иоанн Курмояров был приговорён статье 207.3 УК Российской Федерации за ряд критических высказываний о боевых действиях в Украине, в том числе за фразу «убитые в Украине российские военные попадут в ад, а не в рай»⁹.

Во всех без исключения случаях ложность утверждений подсудимых доказывалась тем, что они не соответствуют позиции органов власти Российской Федерации. В большинстве случаев приводятся ссылки на официальные источники: брифинги Министерства обороны Российской Федерации, заявления Министерства иностранных дел Российской Федерации, обращения Президента или информацию с официальных сайтов государственных органов. Иные методы доказывания ложности распространяемых подсудимыми сведений, например, независимые расследования или показания свидетелей с места событий, судами не применялись.

Во всех 42 проанализированных делах подсудимые явно или неявно выступали противниками «специальной военной операции» и текущей политики власти. Это выражается в их критике и обвинениях против вооружённых сил и государственных органов, использовании слова «война», выражении сочувствия Украине.

В рассматриваемом деле Заявитель также был осуждён по статье 207.3 УК Российской Федерации как за утверждения о фактах, так и за выражение его оценочного мнения. Так, он был привлечён к ответственности за распространение информации, содержащей утверждения о фактах, например, о «ежедневной гибели детей на территории Украины в результате военных действий Российской Федерации» или «о цели Вооружённых сил Российской Федерации захватить территорию Украины». В то же время для квалификации его высказываний как уголовно наказуемых суд в приговоре указал, что они «негативно характеризовали действия Вооружённых сил Российской Федерации на территории Украины» и раскрывали его «пренебрежительное, недружелюбное, враждебно-агрессивное отношение к действующим органам власти Российской Федерации». Из этого следует, что суд учёл и высказывания, отражающие мнение и оценку Заявителем политики органов власти.

Кроме того, суд пришёл к выводу о ложности высказываний Заявителя исключительно на основании того, что его высказывания «не соответствуют содержанию официальной позиции Министерства Обороны Российской Федерации».

⁹ Gazeta.ru. «Указывал, кто будет в аду, а кто в раю»: экс-священнику дали три года за фейки об армии». 31 августа 2023 года. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/08/31/17510270.shtml>.

В приговоре также подчёркивается, что его слова «негативно характеризуют действия Вооружённых Сил Российской Федерации» и содержат «признаки обоснования необходимости противодействия использованию Вооружённых Сил Российской Федерации на территории Украины» (**Приложение № 10**, стр. 6). Однако эти критерии не касаются определения достоверности сведений, а отражают лишь их критический характер и направленность против политики власти.

Таким образом, статья 207.3 УК Российской Федерации используется не для борьбы с дезинформацией, а для пресечения критики государственной политики. Судебная практика, в том числе в деле Заявителя, подтверждает, что преследованию подвергаются не ложные сведения как таковые, а высказывания, противоречащие официальной позиции власти, содержащие негативную оценку действий государственных органов или обоснование необходимости им противодействовать. В результате закон становится инструментом цензуры, а не средством защиты общественного интереса, что вступает в противоречие с запретом установления государственной или обязательной идеологии, закреплённым в статье 13 (части 1, 2 и 3) Конституции, а также допустимыми целями ограничения прав граждан, вытекающих из статьи 55 (часть 3) Конституции.

2. Статья 207.3 УК Российской Федерации предусматривает ограничения свободы мысли и слова, которые не являются необходимыми и соразмерными

Статья 19 Всеобщей декларации прав человека и статья 19 Пакта гарантируют право беспрепятственно придерживаться своих мнений и право искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ и с помощью любых информационных средств. Указанным нормам корреспондируют положения Конституции. В статье 13 (части 1 и 2) в качестве основ конституционного строя России признаются идеологическое и политическое многообразие, а также вводится запрет на установление какой-либо идеологии как государственной или обязательной. Статья 29 гарантирует каждому свободу мысли и слова (часть 1); закрепляет, что никто не может быть принуждён ни к выражению своих мнений и убеждений, ни к отказу от них (часть 2); а также подтверждает свободу поиска, получения, передачи, произведения и распространения информации любым законным способом. Из данных международно-правовых и конституционных норм следует, что в Российской Федерации как в демократическом и правовом государстве каждый вправе свободно мыслить, собирать информацию из любых источников, а также свободно выражать своё мнение и распространять любые сведения, не опасаясь за это преследования с чьей-либо стороны, и в первую очередь – со стороны государства.

Нормы статьи 55 (части 2 и 3) Конституции устанавливают условия ограничения конституционных прав. Так, в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (часть 2), а права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя,

нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3).

Как показано выше, оспариваемая статья, как по буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, запрещает как критические мнения о вооружённых силах, государственных органах и государственной политике в целом (**а**), так и сведения о фактах, которые расходятся с официальной позицией властей (**б**). В обоих случаях установленные статьёй 207.3 УК Российской Федерации ограничения не отвечают требованиям необходимости и соразмерности в нарушение Конституции.

а) Статья 207.3 УК Российской Федерации в той мере, в какой она запрещает распространение критических мнений, не является необходимой и соразмерной

Конституционный Суд отмечал, что ограничение свободы выражения мнения не должно иметь места в отношении какой-либо деятельности или информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, а иное означало бы отступление от конституционного требования необходимости, соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод (постановление от 14 февраля 2013 года № 4-П; определения от 2 апреля 2009 года № 484-О-П, от 5 марта 2013 года № 323-О, от 2 июля 2013 года № 1053-О).

Из практики Конституционного Суда также следует, что права, гарантированные статьёй 29 Конституции, обеспечивают гражданам реальную возможность оказывать влияние на деятельность органов публичной власти посредством поддержания цивилизованного мирного диалога между гражданским обществом и государством; это не исключает протестного характера высказываний, который может выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государственной власти, так и проводимой ими политики в целом; соответственно, предполагается, что реагирование со стороны публичной власти должно быть нейтральным (постановления от 4 июня 2020 года № 27-П, от 17 мая 2021 года № 19-П).

Верховный Суд Российской Федерации также ориентирует суды на то, что граждане вправе беспрепятственно критиковать органы государственной власти и их должностных лиц. *Во-первых*, он указывает, что «в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 года на 872-м заседании Комитета министров Совета Европы, политические деятели... соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики» (пункт 9 постановления Пленума от 24 февраля 2005 года № 3). *Во-вторых*, Верховный Суд подчёркивает, что «критика... должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц» (пункт 7 постановления Пленума от 28 июня 2011 года № 11). Наконец, *в-третьих*, он признаёт, что пределы допустимой критики шире

в отношении правительства, чем простого лица или даже политика (пункт 8 Обзора практики рассмотрения судами дела по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда 16 марта 2016 года).

Право без страха выражать свои мнения и идеи, даже если они противоречат тем, которые защищают официальные власти или значительная часть общественного мнения, или даже если они раздражают или шокируют, находит свое отражение и в практике Комитета по правам человека ООН (далее — «КПЧ», «Комитет»). КПЧ в Замечании общего порядка № 34 отмечает ряд принципов, касающихся критики органов государственной власти и проводимой политики в контексте свободы слова¹⁰. Так, *во-первых*, он указывает, что свободный обмен информацией и мнениями по государственным и политическим вопросам между гражданами и избранными представителями народа имеет особое значение (пункт 13). *Во-вторых*, Комитет подчёркивает, что государствам не следует запрещать критику таких структур, как армия или административный аппарат (пункт 38).

Аналогичным образом, Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям неоднократно заявляла, что государственные учреждения, такие как вооружённые силы, не обладают иммунитетом от критики, поэтому задержания за критику или деморализацию вооружённых сил являются произвольными (**Приложение № 20**). Совет ООН по правам человека также отмечал, что ограничение определенных видов выражения мнения никогда не будут считаться необходимыми и законными, например, такие как обсуждение проводимой правительством политики и политические дискуссии, участие в политической деятельности, в том числе за мир и демократию, выражение мнений, несогласия или убеждений¹¹.

В Совместной декларации о свободе выражения мнений и «фейковых новостях», дезинформации и пропаганде несколько экспертов, включая Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение и Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, заявили, что общий запрет на распространение информации, включая запрет ложных новостей или информации, несовместим с международными стандартами, касающимися ограничения свободы выражения мнений, и не должен применяться¹².

¹⁰ Комитет по правам человека ООН. Замечания общего порядка № 34, ССРР/С/СР/34. 12 сентября 2011 года.

¹¹ Совет по правам человека ООН. Резолюция 12/16 «Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие». 12 октября 2009 года, параграф 5(p(i)). URL: <http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/HRC/RES/12/16&Lang=R>.

¹² Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Представитель ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации, Специальный докладчик по вопросам свободы выражения мнения ОАГ. Совместная декларация «О свободе выражения мнения и выборах в эпоху цифровых технологий». 30 апреля 2020 года. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/b/f/451228_0.pdf.

В свою очередь статья 207.3 УК Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за распространение информации, содержащей критику вооружённых сил, государственных органов и их политики, а также за выражение антивоенных взглядов и убеждений. Такого рода убеждения и высказывания носят гуманистический характер и в полной мере соответствуют демократическим ценностям, охраняемым Конституцией. Вне зависимости от того, используются ли вооружённые силы и реализуются ли полномочия государственных органов в целях поддержания мира и безопасности или в каких-то иных целях, ограничение критических высказываний и выражений антивоенных взглядов и убеждений по данным вопросам не может считаться необходимым в демократическом обществе.

Понуждение отказаться от антивоенных и гуманистических убеждений и высказываний посредством уголовного преследования является покушением на саму личность, её достоинство и противоречит принципу признания прав и свобод человека как наивысшей ценности, закреплённому в статье 2 Конституции. Подходящей реакцией на такую критику было бы предоставление правдивой и объективной информации по волнующему общество вопросу, в данном случае о ведении военных действий, а также платформы для обсуждения и обмена мнениями. В силу этого ограничения, предусмотренные в статье 207.3 УК Российской Федерации, не являются необходимыми.

Более того, преследование за такие критические высказывания свидетельствовало бы об установлении обязательной и единственно правильной идеологии в стране, которая противопоставляется антивоенным мнениям и убеждениям и предусматривает наказание за их проявление, что противоречит статье 13 Конституции и статье 20 Пакта.

К выводам о необоснованности и нарушении свободы выражения мнения оспариваемой нормой пришёл ряд международных органов. Так, в пунктах 28 и 29 Заключительных замечаний по восьмому периодическому докладу Российской Федерации КПЧ указал, что России следует в срочном порядке принять все необходимые меры, чтобы гарантировать полное осуществление свободы выражения мнений для всех лиц, что включает отмену статьи 207.3 УК Российской Федерации как закона, необоснованно ограничивающего эту свободу (пункты 28 и 29)¹³.

Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации также призвала в срочном порядке отменить статью 207.3 УК Российской Федерации как криминализующую законную деятельность и мирное выражение несогласия в соответствии с международными стандартами в области прав

¹³ Комитет по правам человека ООН. Заключительные замечания по восьмому периодическому докладу Российской Федерации, CCPR/C/RUS/CO/8. 1 декабря 2022 года.
URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3996284?ln=ru&v=pdf>.

человека¹⁴. В связи с этим она призвала освободить Заявителя и других «оппозиционных политических деятелей, задержанных за мирное осуществление своих прав».

Наконец, Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям установила, что лишение Заявителя свободы на основании статьи 207.3 УК Российской Федерации нарушило его право на свободу мнений и их свободное выражение в соответствии со статьёй 19 Пакта (**Приложение № 20**). В частности, Рабочая группа указала:

«Высказывания г-на Горинова не содержали призывов к насилию или войне. Напротив, он говорил о пагубных последствиях войны и призывал к её прекращению. Трудно представить себе ситуацию, еще больше подпадающую под защиту права на свободу выражения мнения. Действительно, запрет такого рода высказываний перевернул бы с ног на голову Пакт, особенно статью 20 (пункт 1), согласно которой: “Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом”. [...] Правительство не представило Рабочей группе никаких доводов или доказательств в обоснование разрешенных Всеобщей декларацией прав человека и Пактом ограничений этих прав и свобод в данном случае и не продемонстрировало, почему предъявление обвинений г-ну Горинову было законным, необходимым и соразмерным ответом на его антивоенные заявления. В той степени, в которой комментарии г-на Горинова были представлены как критика действий Российской Федерации и её вооружённых сил, это не выводит их из-под защиты права на свободу выражения мнений».

Позиция Рабочей группы ООН по делу Заявителя имеет особое значение для рассмотрения настоящей жалобы, поскольку основана на анализе тех же обстоятельств, которые подлежат оценке в данном деле, и содержит вывод о нарушении оспариваемой статьёй норм международного права в тех же аспектах, которые заявлены в жалобе. При этом Конституционный Суд в своей практике подчеркивает, что Российская Федерация не может оставить без последствий мнение Рабочей группы по произвольным задержаниям в случаях, когда в нём установлено нарушение положений Пакта. Иное ставило бы под сомнение исполнение Российской Федерацией не только обязательств по Пакту, но и Конституции, её статей 2 и 17 (часть 1), в силу которых государство обязано признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (определение от 9 июня 2015 года № 1276-О).

При таких обстоятельствах статья 207.3 УК Российской Федерации посягает на свободное выражение мнения и распространение информации в соответствии со статьями на идеологическое и политическое многообразие, в связи с чем

¹⁴ Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации. Доклады о положении в области прав человека в Российской Федерации, A/HRC/54/54, 18 сентября 2023 года. URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/54/54>; и A/HRC/57/59, 13 сентября 2024 года. URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/57/59>.

не соответствует статьям 13 (части 1, 2 и 3), 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 28, 29 (части 1, 3, 4), 32 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции.

б) Статья 207.3 УК Российской Федерации в той мере, в какой она запрещает распространение ложной информации как сведений о фактах, не является необходимой и соразмерной

Право на свободу слова включает в себя и защиту высказываний, которые могут не соответствовать действительности. В демократическом обществе граждане должны иметь возможность свободно обсуждать события, делиться информацией, выражать критику и формировать собственные взгляды, даже если некоторые высказывания впоследствии окажутся неточными или ошибочными.

Так, в Замечании общего порядка № 34 КПЧ указывает, что право на свободу выражения мнения защищает все формы выражения мнений, в том числе и те, которые содержат оскорбительную, шокирующую или даже ложную информацию — Пакт не предусматривает запрет на выражение ошибочных мнений или неверной интерпретации событий, произошедших в прошлом (пункты 47 и 49). Кроме того, Европейский Суд по правам человека (далее — «ЕСПЧ») прямо указывает, что статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующая свободу выражения, не запрещает обсуждение или распространение полученной информации даже при наличии серьёзных оснований полагать, что эта информация может быть неправдивой (постановление от 6 сентября 2005 года по делу «Салов (*Salov*) против Украины», жалоба № 65518/01, § 113). Эта позиция особенно справедлива в ситуациях, когда речь идёт о предмете важной общественной дискуссии, в отношении которого существуют различные мнения, в том числе в контексте обсуждения ответственности военных в рамках вооружённых конфликтов (постановление от 22 апреля 2010 года по делу «Фатуллаев против Азербайджана», жалоба № 40984/07, § 81).

В связи с этим КПЧ подчёркивает, что любые законы, предусматривающие меры наказания за высказывания о событиях прошлого, являются несовместимыми с Пактом (пункт 49). В Замечании нет положений, которые давали бы основания отступать от этой позиции и в отношении событий, происходящих в настоящий момент. Комитет уже приходил к выводу о том, что «уголовное преследование и наказание за преступление распространения ложной информации только и лишь на основании её ложности является явным нарушением статьи 19 Пакта»¹⁵.

КПЧ также подчёркивает, что даже в тех случаях, когда запрет на распространение ложной информации может быть оправдан, применение уголовного законодательства допустимо только в самых серьёзных ситуациях — например, когда она сопряжена с так называемой «речью ненависти» или призывами к насилию. Государствам-участникам следует принимать меры для предотвращения чрезмерных

¹⁵ Комитет по правам человека ООН. Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Камеруна, CCPR/C/79/Add.116. ноябрь 1999 года. URL: <https://docs.un.org/en/CCPR/C/79/Add.116>.

наказаний и неоправданно высоких штрафов. В любом случае, лишение свободы исключительно за ложность высказывания ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания (пункт 47 Замечаний).

В этом свете статья 54 (часть 2) Конституции устанавливает, что никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Как указывает Конституционный Суд, в силу данной нормы, основанной на принципе *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния (постановления от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П, от 4 марта 2021 года № 5-П и др.). Как следствие, федеральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств (постановления от 27 июня 2005 года № 7-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П).

Наконец, Специальный докладчик ООН по вопросу о свободе мнений и их свободном выражении указывал, что единственная цель «диффамационных» законов должна заключаться в том, чтобы защищать репутацию, а не в том, чтобы препятствовать критике правительства¹⁶. В связи с этим он отдельно подчеркнул, что в рамках таких законов требование правдивости в контексте публикаций, касающихся вопросов, представляющих общественный интерес, чрезмерно, особенно когда они содержат мнения или оценочные заявления, которые невозможно верифицировать. ЕСПЧ, рассматривая дело, связанное с распространением ложной информации о высокопоставленном политике, также указал, что уголовное наказание за оценочное суждение только на основании его ложности само по себе нарушает право на свободу выражения мнения, поскольку проверить такое суждение невозможно (постановление от 8 июля 1986 года по делу «Лингенс против Австрии», жалоба № 9815/82, § 46).

В этих обстоятельствах конструкция статьи 207.3 УК Российской Федерации, предусматривая уголовную ответственность, в том числе наказание в виде лишения свободы, за распространение информации, которую органы публичной власти

¹⁶ Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и на свободное их выражение, E/CN.4/2000/63. 18 января 2000 года. Пункт 52. URL: <https://docs.un.org/ru/E/CN.4/2000/63>.

квалифицируют как ложную, является необоснованным и избыточным применением уголовно-правовой репрессии по следующим причинам.

Во-первых, она устанавливает уголовную ответственность за распространение информации исключительно на основании её ложности, что противоречит вышеуказанным стандартам. Состав преступления, закреплённый в частях 1 и 2 данной нормы, сформулирован как формальный, то есть не требующий установления опасности деяния, какой вред был или мог быть причинён распространением той или иной информацией, а также имелась ли конкретная и прочная причинно-следственная связь между таким распространением и причинённым вредом. При этом часть 3 статьи не определяет, что именно подразумевается под «тяжкими последствиями». В то же время оспариваемая норма предусматривает наказание вплоть до лишения свободы — самой суровой из возможных санкций, что явно несоразмерно любым потенциальным охраняемым интересам. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что данная статья не обеспечивает исключительно необходимые и соразмерные меры уголовного преследования, допустимые лишь в наиболее серьёзных случаях.

Во-вторых, столь значительная ответственность сокрушительным образом влияет на готовность граждан анализировать и распространять информацию, отличную от официально утверждённой и одобренной уполномоченными органами, что приводит к охлаждению дискуссии на острые и волнующие общество темы, а также снижает общественный контроль за действиями публичной власти.

В-третьих, в любом случае защита от наиболее опасной дезинформации может быть достигнута более адекватными и менее интрузивными средствами, в частности — повышением доверия к органам власти и распространяемым ими сведениям через обеспечение множественности и разнообразия источников информации, своевременности передачи информации и открытого диалога с обществом.

В-четвёртых, следует отметить, что в ретроспективе обсуждение и распространение информации и мнений, отличных от позиции органов публичной власти Российской Федерации, никогда не было табуировано в период военных действий. Так, в частности, в ходе боевых действий и контртеррористических операций на территории Чеченской Республики и приграничных регионов Северного Кавказа велось множество критических дискуссий и споров в средствах массовой информации. Такие дискуссии были связаны в том числе с опровержением официальной позиции государства, а также допускали обозначение «операции по восстановлению конституционного порядка» или «контртеррористических мероприятий» в качестве «войны». В отношении участников таких дискуссий и публикаций никаких санкций не применялось, и это не привело к каким-либо неблагоприятным последствиям.

Напротив, аналогичные оспариваемой нормы существовали в законодательстве времён СССР — в период, описываемый в Федеральном законе от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (далее — **«Закон о реабилитации жертв политических репрессий»**) как «многолетний террор», связанный с «массовыми преследованиями своего народа». Так, в разные годы

УК РСФСР содержал следующие нормы о запрете «распространения ложной информации» о государственных органах и их политике:

- Статья 70 УК РСФСР 1960 года предусматривала ответственность за «распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» с наказанием в виде лишения свободы до семи лет.
- Статья 190-1 УК РСФСР в редакции от 3 октября 1966 года вводила наказание за «систематическое распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй» с наказанием в виде лишения свободы до трёх лет.

По смыслу преамбулы этого закона уголовное преследование по этим статьям являлось частью «произвола тоталитарного государства» и «репрессий за политические убеждения». Статья 5 Закона о реабилитации жертв политических репрессий признаёт, что деяния по ним не содержат общественной опасности, а также реабилитирует всех осуждённых по ним вне зависимости от обоснованности обвинения. Это означает, что по признанию законодателя само существование подобных уголовных норм не является обоснованным и необходимым по причине отсутствия достаточной опасности лишь в распространении ложных сведений об органах власти. Следует отметить, что при этом отменённые нормы УК РСФСР предусматривали значительно более мягкие наказания по сравнению со статьёй 207.3 УК Российской Федерации, устанавливающей максимальный срок лишения свободы до 15 лет.

Наконец, оспариваемое положение предусматривает уголовную ответственность в том числе за высказывания, которые трудно или невозможно верифицировать. Это особенно проблематично в условиях военных действий или закрытости информации, когда доступ к независимым источникам объективно ограничен. В таких обстоятельствах невозможность проверки не должна означать ложность сведений, однако закон подразумевает обратное: если информация не подтверждается российскими официальными источниками, она признаётся заведомо ложной.

Более того, запрет распространяется на любые альтернативные версии событий, даже если они основаны на свидетельствах очевидцев, журналистских расследованиях или данных международных организаций. Например, Роман Иванов был признан виновным в совершении преступления по ст. 207.3 УК Российской Федерации в том числе за пост в социальной сети, содержащий краткое описание выводов Независимой международной комиссии ООН по расследованию нарушений по Украине, которая сообщала о совершении военных преступлений и нарушении международного гуманитарного права российскими военными¹⁷.

Заявитель также ссылался на акты международных органов, включая те, в которых участвует Российская Федерация, рассматривая их в качестве достоверных

¹⁷ Коммерсантъ. «Журналиста RusNews приговорили к семи годам колонии по делу о военных фейках». 6 марта 2024 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6559668>.

источников информации, повлиявших на формирование его позиции (**Приложение № 6**). Однако суды отказались учитывать этот довод, сославшись исключительно на официальные сведения, распространяемые Министерством обороны Российской Федерации. При этом они не дали правовой или фактической оценки международным источникам и не обосновали, почему именно информация, исходящая от Министерства обороны, считается достоверной, тогда как акты международных организаций — заведомо ложными.

Таким образом, конструкция оспариваемой статьи создает ситуацию, при которой единственным допустимым источником информации становится государство, а любое сомнение, критический анализ или ссылки на альтернативные источники автоматически попадает под угрозу уголовного преследования. В результате ответственность фактически наступает не за заведомую ложь, а за распространение информации, которая расходится с официальной позицией, даже если её невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть в силу объективных обстоятельств. Такой правоприменительный подход превращает норму в инструмент политической цензуры, направленный на контроль общественного мнения и подавление инакомыслия, в связи с чем оспариваемая норма противоречит статьям 13 (части 1, 2 и 3), 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 28, 29 (части 1, 3, 4), 32 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции.

3. Пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации, вводя квалифицирующий признак в виде мотива политической ненависти, нарушает конституционные права Заявителя в той мере, в какой эта норма необоснованно отягчает уголовную ответственность за критические или не соответствующие позиции государственных органов высказывания.

Как уже указывалось выше, Конституционный Суд и Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивали, что критика органов власти, в том числе вооружённых сил, является неотъемлемой частью свободы мысли и слова. Государственные органы и должностные лица, особенно профессиональные политики, должны терпимо относиться к публичной критике, поскольку пределы допустимых высказываний в их адрес шире, чем в отношении частных лиц. Реакция государства на критику должна быть нейтральной, а не репрессивной, а ограничения на выражение мнений не могут быть оправданы лишь тем, что высказывания противоречат официальной позиции властей. Международные стандарты также подтверждают, что запрет критики государственных структур, включая армию, несовместим со свободой выражения мнения. Свободное обсуждение политики и деятельности органов власти, включая армию и административный аппарат, имеет особую ценность и не может преследоваться по закону.

Пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации устанавливает квалифицированный состав «распространения ложной информации» по мотивам в том числе «политической ненависти», что влечёт существенно более строгое наказание. В частности, санкция данной нормы предусматривает лишение свободы на срок до

десяти лет, что вдвое превышает максимальное наказание, предусмотренное частью 1 оспариваемой статьи.

На практике данный мотив интерпретируется судами таким образом, что критика действий властей или выражение негативного или нелояльного отношения к ним приравниваются к действиям, совершённым из мотивов политической ненависти. Это приводит не только к криминализации критических высказываний в адрес органов власти, как указано выше, но и к их произвольному отнесению к категории отягчающих обстоятельств, что влечёт необоснованное ужесточение уголовной ответственности.

Так, в деле Заявителя его слова были квалифицированы как высказанные из мотивов «политической ненависти», поскольку, по мнению суда, они выражали «пренебрежительное, недружелюбное, враждебно-агрессивное отношение к действующим органам власти Российской Федерации». Этот подход широко применяется в других делах, возбуждённых по оспариваемой норме. Например, учитель Ирина Ген была осуждена по статье 207.3 УК РФ за высказывания о боевых действиях в Украине во время урока, которые, согласно обвинению, были сделаны, «испытывая стойкую неприязнь к президенту РФ и верховному главнокомандующему»¹⁸. Виталий Мишин был привлечён к ответственности по той же статье за комментарий, который, по мнению суда, был мотивирован «ненавистью к политическому руководству РФ (президенту и правительству)»¹⁹.

Эти и другие примеры показывают, что сама по себе «недружелюбная» риторика или выражение негативного отношения к властям приравнивается к преступному мотиву, подпадающему под квалифицирующий признак и отягчающему наказание. Однако, как указано выше, в демократическом обществе власти не могут требовать от граждан лояльности или доброжелательного отношения к своей деятельности. Напротив, каждый имеет право относиться к государственным институтам критически, негативно или даже с презрением и выражать это публично. Квалификация таких высказываний как «политической ненависти» и их уголовное преследование создают ситуацию, в которой любое несогласие с властями может быть признано преступлением.

Применение положений о преступлениях на почве ненависти для защиты органов власти подрывает саму концепцию этой категории преступлений. Законы о преступлениях ненависти направлены на защиту уязвимых групп, систематически подвергающихся дискриминации и насилию, а не на охрану государственных институтов, которые по своей природе не могут быть объектом защиты от «языка ненависти», поскольку сами обладают исключительными инструментами воздействия и механизмами защиты.

¹⁸ Коммерсантъ. «Пятёрка условно». 4 августа 2022 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5493505>.

¹⁹ РБК. «За что суды приговаривали по статье о фейках об армии». 4 марта 2023 года. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/03/2023/640202409a7947e857992894>.

Так, Практическое руководство ОБСЕ по законодательству против преступлений на почве ненависти указывает:

«Если в закон включены признаки, которые... не относятся к числу признаков, общих для какой-либо группы людей, подвергающейся дискриминации, изоляции или угнетению, это может дискредитировать законодательство против преступлений на почве ненависти. Более того, подобный закон не сможет обеспечить защиту тем группам, которые действительно находятся под угрозой... [Е]сли закон включает защищаемые признаки, которые слишком далеко отстоят от основной концепции преступления на почве ненависти, он перестает отвечать требованиям, предъявляемым к законам против преступлений на почве ненависти»²⁰.

О том, что нормы Уголовного кодекса о преступлениях на почве ненависти предназначены для защиты именно уязвимых групп, а не государственных органов и должностных лиц, указывает и Верховный Суд. В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» разъясняется, что действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, подразумевают высказывания, обосновывающие применение насилия в отношении представителей нации, расы, социальной группы или приверженцев религии, т.е. уязвимых и широко подвергающихся дискриминации групп. При этом в этом же пункте Верховный Суд противопоставляет этим группам должностных лиц и профессиональных политиков. Он подчёркивает, что, принимая на себя государственные полномочия, такие лица осознанно соглашаются стать объектом общественной критики, которая необходима для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. В силу этого пределы допустимой критики в их адрес заведомо шире, чем в отношении частных лиц, и не могут рассматриваться как действие, направленное на унижение их достоинства. На эту же позицию ссылается в своей практике и Конституционный Суд (определение от 27 июня 2017 года № 1411-О).

ЕСПЧ также подчеркивает, что государственные органы трудно охарактеризовать как незащищённое меньшинство или группу, имеющую историю угнетения или неравенства, сталкивающуюся с глубоко укоренившимися предубеждениями, враждебностью и дискриминацией или являющуюся уязвимой по каким-либо иным причинам, а потому нуждающуюся, в принципе, в усиленной защите от нападок в форме оскорблений, насмешек или клеветы (постановление от 28 августа 2018 года по делу «Савва Терентьев против России», жалоба № 10692/09, § 76).

Тем самым, пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации не только необоснованно ограничивает свободу выражения, но и делает мотив «политической ненависти» отягчающим обстоятельством, превращая критику власти в форму

²⁰ ОБСЕ. Законодательство против преступлений на почве ненависти: Практическое руководство, 2009. Стр. 56-57. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/1/36427.pdf>.

особенно опасного преступного поведения. Это противоречит как российским конституционным стандартам, так и международно-правовым нормам. Выражение мнений по вопросам, имеющим общественную значимость, особенно политическим, должно находиться под усиленной защитой, а не становиться основанием для повышенной уголовной ответственности. В связи с этим оспариваемая норма противоречит статьям 13 (части 1, 2 и 3), 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 28, 29 (части 1, 3, 4), 32 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции.

Б. Статья 207.3 УК Российской Федерации нарушает принцип равенства и запрет дискриминации, поскольку уголовно наказуемыми являются исключительно критические или несоответствующие с позицией государственных органов мнения и утверждения

Согласно статье 19 (часть 2) Конституции государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Требование недискриминации выступает частным проявлением принципа равенства, предполагающего наделение равными правами и обязанностями лиц, относящихся в контексте соответствующих правоотношений к одной и той же категории субъектов права.

Соблюдение принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает помимо прочего запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (постановления от 16 июня 2006 года № 7-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П и др.). Конституция не ограничивает перечень признаков, по которым исключается дискриминация граждан, а, напротив, предполагает его дальнейшую конкретизацию в правоприменительной практике (постановления от 4 февраля 1992 года № 2-П-3, от 23 мая 1995 года № 6-П, от 23 декабря 1999 года № 18-П, от 27 декабря 1999 года № 19-П, от 19 февраля 2002 года № 5-П, от 16 марта 2017 года № 7-П).

Аналогичным образом нормы международного права, являясь составной частью правовой системы Российской Федерации, утверждают принцип равенства всех перед законом и запрещают дискриминацию, в том числе по признаку убеждений, а также в зависимости от выраженного критического мнения. В частности, принципы равенства и запрет дискриминации закреплены в статьях 1 и 7 Всеобщей декларации прав человека и статье 26 Пакта.

В Замечаниях общего порядка № 18 (пункт 7) дополнительно поясняется, что КПЧ считает, что выражение «дискриминация» следует понимать как означающее

любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, которое основано на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства и которое имеет целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всеми лицами, на равных началах, всех прав и свобод²¹.

Статья 207.3 УК Российской Федерации устанавливает различие в обращении между лицами, участвующими в общественной дискуссии о применении вооружённых сил, не имеющее объективного и разумного оправдания. К этой категории относятся как лица, критикующие использование вооружённых сил, в том числе придерживающиеся антивоенных, пацифистских или критических к власти взглядов и сообщающие сведения, не совпадающие с официальной позицией, так и те, кто поддерживает военные действия.

Однако подход государства к этим категориям различается. Высказывания, содержащие критику или альтернативные сведения о действиях вооружённых сил, рассматриваются как преступление, предусмотренное оспариваемой нормой. В то же время заявления и публикации, содержащие недостоверную информацию в поддержку войны, не влекут никаких правовых последствий, несмотря на их явное несоответствие действительности.

Как указано выше (**Приложение № 24**), подавляющее большинство дел, возбуждённых по оспариваемой норме, касаются утверждений о совершении вооружёнными силами военных преступлений, неэффективности и высоких потерях российской армии, а также выражения негативного мнения о действиях армии и государственных органов. Во всех проанализированных случаях подсудимые выступали против боевых действий и действующей политики. Не удалось выявить ни одного приговора по делам, возбуждённым против сторонников «специальной военной операции» или в связи с распространением ложных сведений в поддержку вооружённых сил или властей, несмотря на то, что такие действия также формально подпадают под состав статьи 207.3 УК Российской Федерации.

Например, губернатор Курской области Алексей Смирнов опровергал сообщения о мародерстве со стороны российских военных, заявив, что они являются «информационным вбросом со стороны противника»²². Однако позднее российские суды признали эти факты доказанными и вынесли обвинительные приговоры военнослужащим вооружённых сил РФ по статье 356 УК Российской Федерации, например, Станиславу Лопатину и Никите Соболеву, за мародерство в Курской

²¹ КПЧ ООН. Замечания общего порядка № 18, HRI/GEN/1/Rev.9. 1987 год, стр. 251. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/422/37/pdf/G0842237.pdf?OpenElement>.

²² Публикация губернатора Курской области Алексея Смирнова в Telegram-канале «Оперштаб Курской области». 26 октября 2024 года. URL: https://t.me/gubernator_46/9837.

области²³. Тем самым сведения, распространяемые губернатором, который ввиду своей должности вероятно обладал действительной информацией, могли быть заведомо ложными и формально подпадать под состав статьи 207.3 УК Российской Федерации. Факты мародёрства также подтвердил министр транспорта Российской Федерации и бывший губернатор Курской области Роман Старовойт²⁴. Однако уголовное расследование в отношении Смирнова отсутствует. Для сравнения, Олег Кашинцев был признан виновным в распространении «заведомо ложной информации» по этой статье в том числе за утверждения о мародерстве со стороны российских военнослужащих²⁵.

Аналогичным образом, в апреле 2024 года глава контролируемой Россией Херсонской области Владимир Сальдо публично заявил, что Вооружённые силы Украины якобы обстреляли село Абрикосовка, в результате чего погибли два человека²⁶. Однако позднее выяснилось, что информация, озвученная Сальдо, была недостоверной: Следственный комитет Российской Федерации установил, что упомянутые лица были убиты российскими военнослужащими — Александром Осиповым и Александром Кайгородцевым, которым впоследствии были предъявлены соответствующие обвинения²⁷. Несмотря на это, в отношении Сальдо, который в силу своей должности мог располагать сведениями о действительных обстоятельствах произошедшего и, таким образом, сознательно распространить недостоверную информацию, никакое уголовное расследование проведено не было. При этом регулярно выносятся приговоры по оспариваемой норме за сообщения об убийстве мирных жителей в Украине в отношении критиков боевых действий. Например, математик Дмитрий Иванов был приговорён к лишению свободы за репосты материалов в Telegram, в которых в том числе утверждалось о гражданских жертвах в результате действий российской армии²⁸.

²³Курский гарнизонный военный суд. Приговоры от 15 января 2025 года в отношении Лопатина Станислава Ивановича по делу № 1-58/2025 (1-531/2024), URL: https://gvs--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=150976572&case_uid=96a4903b-0d28-4edb-9d5a-9b55f0704484&delo_id=1540006; и от 23 января 2025 года в отношении Соболева Никиты Алексеевича по делу № 1-61/2025 (1-534/2024), URL: https://gvs--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=151146205&case_uid=554145cd-08cc-4544-af8b-7f5375d53e98&delo_id=1540006.

²⁴ Видеозапись встречи экс-губернатора Курской области и министра транспорта РФ Романа Старовойта с местными жителями. 14 ноября 2024 года. URL: https://t.me/kursk_now/11682.

²⁵ BBC. «В России вынесли первый заочный приговор за “фейки” об армии. Бывший полицейский получил восемь лет». 27 января 2023 года. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-64424533>.

²⁶ Публикация в официальном Telegram-канале Владимира Сальдо. 24 апреля 2024 года. URL: https://t.me/SALDO_VGA/3016.

²⁷ Коммерсантъ. «Военных задержали за тройное убийство в зоне СВО». 25 апреля 2024 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6665843>.

²⁸ РБК. «Автора “Протестного МГУ” приговорили к 8,5 годам колонии». 7 марта 2023 года. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/03/2023/640704129a7947ce103e6c9c>.

За схожие высказывания был привлечён к уголовной ответственности и Заявитель. Рабочая группа ООН, рассматривая его дело, пришла к выводу, что его уголовное преследование было основано на дискриминационных мотивах, а именно на его антивоенных политических взглядах. Рабочая группа отметила, что «многие тысячи людей в Российской Федерации были заключены в тюрьму за антивоенные взгляды, а статья 207.3 УК используется для преследования тех, кто критикует российское правительство и вооружённые силы в контексте войны на Украине».

Эти примеры и анализ статистики уголовных дел по оспариваемой норме свидетельствуют о том, что правоприменение статьи 207.3 УК Российской Федерации обусловлено не степенью общественной опасности или объективной ложностью распространяемой информации, а исключительно политической направленностью мнения. Лица, поддерживающие официальную позицию, даже в случае распространения недостоверных сведений, не подвергаются уголовному преследованию, тогда как оппоненты власти, включая Заявителя, привлекаются к ответственности за критику и несогласие с официальной позицией.

Такая разница в обращении не имеет разумного основания. Использование вооружённых сил — это важный общественный вопрос, по которому все вправе высказываться, иметь собственное мнение, приводить сведения и распространять информацию, даже если впоследствии она окажется неточной или ошибочной. Ни критическое отношение к военным действиям, ни выражение сомнений в официальной информации не могут служить основанием для уголовного преследования, стигматизации или исключения из общественного дискурса.

Дискриминационный характер статьи 207.3 УК Российской Федерации подтверждается в том числе высказываниями депутатов, должностных лиц и представителей государства. Президент Российской Федерации противопоставляет *патриотов* (поддерживающих использование вооружённых сил на территории Украины) и *предателей* (критикующих решение об использовании вооружённых сил и само использование), и говорит о самоочищении общества от предателей²⁹.

Согласно стенограмме заседания Государственной Думы Российской Федерации от 21 сентября 2022 года, депутат от фракции «Единая Россия» Д.Ф. Вяткин высказался следующим образом:

«Когда некоторые известные и популярные личности начали открыто фрондировать, бравировать тем, что они имеют некое собственное мнение, высказывать его ехидно, резко, — знаете, все, маски сброшены. Сейчас появился водораздел: либо мы вместе, мы поддерживаем нашего президента, нашу армию, наших соотечественников, либо нет. И серединки здесь, вот этой серой зоны быть не может: либо с нами, либо против нас. И поэтому общественная нетерпимость ко всякого рода проявлениям антироссийской риторики, неподдержки, а то и

²⁹ Президент России. Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67996>.

прямого осуждения ратного труда, подвига наших солдат на фронте, эта нетерпимость должна быть нормой жизни»³⁰.

Другой депутат Государственной Думы Российской Федерации — Андрей Гурулёв — высказался в эфире федерального телеканала ещё более однозначно: он назвал граждан, несогласных с властью, «гнилью» и призвал к их изоляции или уничтожению. Позднее он пояснил, что под этими гражданами он имел в виду тех, кто «говорит, что надо срочно завершить СВО», и к ним «надо относиться, как к врагам»³¹.

Идея очищения общества от предателей и внутренних врагов, которые критикуют использование вооружённых сил, поражения их в правах несовместима с принципом равенства прав граждан и запрета дискриминации, усиливает противоречия в обществе и препятствует демократической дискуссии. В связи с этим, статья 207.3 УК Российской Федерации нарушает запрет на дискриминацию по политическим взглядам, что является нарушением статьи 19 (часть 2) во взаимосвязи со статьями 28 и 29 (части 1, 3, 4) Конституции.

В. Пункт «а» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации во взаимосвязи с частями 1 и 9 статьи 40 Закона № 131-ФЗ нарушают право Заявителя на свободу выражения мнения и участие в управлении делами государства в той мере, в какой — по своему буквальному смыслу и смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой — они допускают неограниченное привлечение муниципального депутата к уголовной ответственности за высказывания и использование статуса муниципального депутата в качестве квалифицирующего признака состава преступления

В настоящем деле Заявитель был признан виновным в публичном распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации — «с использованием своего служебного положения» — в ходе заседания Совета депутатов муниципального округа Красносельский города Москвы 15 марта 2022 года. В суде первой инстанции и при обжаловании приговора он указывал, что пользуется парламентским иммунитетом от преследования за высказывания, сделанные в рамках

³⁰ Стенограмма заседания Государственной Думы. 21 сентября 2022 года. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5903/>.

³¹ Коммерсантъ. «Полиция не нашла экстремизма в словах депутата Гурулева об уничтожении 20% россиян». 4 декабря 2023 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6379659>.

исполнения полномочий депутата, закреплённым частью 1 статьи 40 Закона № 131-ФЗ. Однако суды пришли к противоположному выводу: статус муниципального депутата не только не освобождает от уголовной ответственности а, напротив, образует квалифицирующий признак «использование служебного положения» в силу принципа равенства всех перед законом и поскольку часть 9 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ не исключает уголовной ответственности муниципальных депутатов.

В связи с этим пункт «а» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации во взаимосвязи с частями 1 и 9 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ, устанавливающими, что муниципальный депутат наделён правом беспрепятственного осуществления своих полномочий и освобождается от ответственности за высказывания за исключением случаев, когда за них установлена ответственность, отступают от конституционного принципа парламентского иммунитета и нарушают права заявителя на свободу слова и участие в управлении делами государства, гарантированные статьями её статьям 1 (часть 1), 3 (части 1, 2 и 3), 12, 17 (часть 1), 29 (части 1, 3 и 4), 32 (части 1 и 2), 55 (части 1 и 3) и 130 Конституции Российской Федерации.

Принцип парламентского иммунитета исключает возможность уголовного преследования депутатов любых уровней публичной власти за публичные высказывания по общественно значимым вопросам. Далее будут рассмотрены стандарты в сфере парламентского иммунитета (1), их применение на муниципальном уровне (2) и значение в рамках настоящего дела (3).

1. Принцип парламентского иммунитета

Концепция парламентского иммунитета предполагает, что члены парламента должны иметь определённую степень защиты от публично-правового преследования и гражданских исков. Наиболее детальный анализ института парламентского иммунитета в европейских правовых порядках содержится в документах Европейской комиссии за демократию через право (далее также — «**Венецианская комиссия**», «**Комиссия**»). Так, она отмечает, что эта концепция представляет собой «неотъемлемую часть европейской конституционной традиции»³², и что «почти во всех конституционных системах можно найти четкое различие между двумя основными категориями парламентского иммунитета, которые имеют разную природу».

Так, первая категория обычно называется «неприкосновенностью» («неответственностью») и означает «иммунитет от любых судебных разбирательств за голосования, мнения и заявления, связанные с осуществлением парламентских полномочий, или, другими словами, более широкую свободу слова, чем у обычных граждан». Вторая категория — это правила «неприкосновенности» в строгом смысле, то есть особая процессуальная защита для парламентариев, обвиняемых в нарушении

³² Венецианская комиссия Доклад о пределах и снятии парламентского иммунитета, 2014 год, § 7 (Приложение № 25, стр. 52).

закона. Как правило, это касается свободы от любого вида преследования без согласия выборного органа, членами которого они являются³³.

В настоящем деле подлежит применению именно принцип неотвеченности — то есть система защиты свободы выражения мнений парламентариев, которая, как отмечает Венецианская комиссия, «довольно единообразна в различных странах»³⁴.

Венецианская комиссия наряду с Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, а также Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека и Межпарламентским союзом, по сути, связывают принцип неотвеченности с необходимостью «эффективного обеспечения особых потребностей в свободе политических дебатов в демократически избранном представительном органе»³⁵. Согласно их подходам, принцип неотвеченности гарантирует, с одной стороны, «защиту парламентариев при исполнении ими функций представительства и контроля за исполнительной властью от запугивания или давления со стороны правительства»³⁶, а с другой — «автономию и независимость парламента как института»³⁷.

Европейский Суд по правам человека также сформулировал ряд принципов, касающихся неотвеченности членов парламента за голосования, мнения и заявления, сделанные в ходе осуществления парламентарских полномочий, в частности:

- «Свобода выражения важна для всех, она особенно важна для избранного представителя народа; он представляет своих избирателей, привлекает внимание к их заботам и защищает их интересы, в связи с чем «вмешательство в свободу выражения мнения члена оппозиции в парламенте требует наиболее тщательной проверки» с точки зрения пропорциональности³⁸;

³³ Венецианская комиссия. Доклад о пределах и снятии парламентарского иммунитета, 2014 год, §§ 9-12 (*Приложение № 25*, стр. 52-53).

³⁴ Венецианская комиссия. Доклад о режиме парламентарского иммунитета, 1996 год, § 99 (*Приложение № 25*, стр. 51).

³⁵ Венецианская комиссия. Доклад о пределах и снятии парламентарского иммунитета, 2014 год, § 84 (*Приложение № 25*, стр. 54).

³⁶ Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. Аналитический обзор. Профессиональные и этические стандарты для парламентариев. 2012 год, § 1.3 (*Приложение № 25*, стр. 4-6).

³⁷ Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека и Межпарламентарский союз. Справочник по правам человека для парламентариев. 2005 год, глава 11 (*Приложение № 25*, стр. 3-4); Венецианская комиссия. Доклад о пределах и снятии парламентарского иммунитета, 2014 год, § 86 (*Приложение № 25*, стр. 54).

³⁸ Постановление ЕСПЧ от 23.04.1992 года по делу «Кастеллс (*Castells*) против Испании, жалоба № 11798/85, § 42 (*Приложение № 25*, стр. 8-9); Постановление ЕСПЧ от 27.02.2001 года по делу «Джерусалем (*Jerusalem*) против Австрии», жалоба № 26958/95, § 36 (*Приложение № 25*, стр. 12); постановление ЕСПЧ от 16.07.2009 года по делу «Фере (*Féret*) против Бельгии», жалоба № 15615/07, § 65 (*Приложение № 25*, стр. 21); постановление ЕСПЧ от 15.03.2011 года по делу «Отеги Мондрагон

- Парламентские выступления пользуются повышенным уровнем защиты, особенно когда иммунитет защищает парламентскую оппозицию от злоупотреблений со стороны большинства³⁹;
- «Защищая политическую точку зрения», депутат может «разумно ожидать, что будет пользоваться преимуществами... режима, обеспечивающего защиту иммунитета для политических выступлений»⁴⁰.

Кроме того, он также последовательно отмечает, что пределы допустимой критики в отношении политических деятелей шире, чем в отношении частных лиц⁴¹, гарантии свободы выражения мнений применяются и к тем идеям, которые «оскорбляют, шокируют или тревожат»⁴², а уголовные санкции за выражение мнения в политической сфере недопустимы, даже если оно является резким или провокационным. По смыслу практики ЕСПЧ эти стандарты особенно важны в делах об уголовном преследовании парламентариев за политические высказывания в контексте гарантий статьи 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В частности, нарушения этой статьи по таким делам имели место:

- при осуждении сенатора за «оскорбление правительства» в связи с обвинениями испанских властей в сокрытии ультраправого террора в Стране Басков и причастности к нему⁴³;
- при осуждении представителя Баскской парламентской фракции за «оскорбление короля» в связи с заявлениями о том, что король Испании

(*Otegi Mondragon*) против Испании», жалоба № 2034/07, § 50 (*Приложение № 25, стр. 27*); постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 17.05.2016 года по делу «Карачонь (*Karácsony*) и другие против Венгрии», жалобы №№ 42461/13 и 44357/13, § 137 (*Приложение № 25, стр. 33-34*).

³⁹ Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 03.12.2009 года по делу «Карт (*Kart*) против Турции», жалоба № 8917/05, § 89, § 90 (*Приложение № 25, стр. 25*); Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Карачонь (*Karácsony*) и другие против Венгрии» (цит. выше), § 138, § 147 (*Приложение № 25, стр. 34-35, 38-39*); Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 22.12.2020 года по делу «Селлахаттин Демирташ (*Selahattin Demirtaş*) против Турции» (№ 2), жалоба № 14305/17, § 244 (*Приложение № 25, стр. 40*).

⁴⁰ Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Селлахаттин Демирташ (*Selahattin Demirtaş*) против Турции» (№ 2) (цит. выше) § 270 (*Приложение № 25, стр. 45*).

⁴¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Кастеллс (*Castells*) против Испании» (цит. выше), § 46 (*Приложение № 25, стр. 10*); Постановление ЕСПЧ от 27.02.2001 года по делу «Джерусалем (*Jerusalem*) против Австрии» (цит. выше), § 38 (*Приложение № 25, стр. 12*); Постановление ЕСПЧ по делу «Отеги Мондрагон (*Otegi Mondragon*) против Испании» (цит. выше), § 50 (*Приложение № 25, стр. 27*). См. также стандарты, изложенные на стр. 20 настоящей жалобы.

⁴² Постановление ЕСПЧ по делу «Кастеллс (*Castells*) против Испании» (цит. выше), § 42 (*Приложение № 25, стр. 8-9*); Постановление Большой Палаты от 15.05.2023 года по делу «Санчез (*Sanchez*) против Франции», жалоба № 45581/15, § 145 (*Приложение № 25, стр. 46*).

⁴³ Постановление ЕСПЧ по делу «Кастеллс (*Castells*) против Испании» (цит. выше), § 39 (*Приложение № 25, стр. 7-8*).

как верховный главнокомандующий несёт ответственность за пытки и насилие против баскского народа⁴⁴;

- при осуждении депутата парламента от левой про-курдской партии по террористическим обвинениям за утверждения о провокации насилия со стороны правительства и в защиту права на протест⁴⁵.

Аналогичным образом, Комитет по правам человека ООН подчёркивает, что в рамках гарантий свободы выражения мнения (статья 19 Пакта) и права принимать участие в ведении государственных дел (статья 25 Пакта), «особое значение имеет свободный обмен информацией и мнениями по государственным и политическим вопросам между гражданами, кандидатами и избранными представителями народа», что предполагает «беспрепятственное выражение мнений при проведении дискуссии с участием политических и государственных деятелей»⁴⁶. Также он отмечает, что государствам–участникам не следует запрещать критику таких структур, как армия или административный аппарат⁴⁷.

Единственным исключением из свободы выражения мнения в форме политического высказывания, допускающим наказание, является так называемая «речь вражды», подразумевающая «пропаганду, поощрение, оправдание или разжигание ненависти, основанной на нетерпимости»⁴⁸.

Таким образом, парламентский иммунитет гарантирует избранным представителям практически абсолютную защиту при высказывании мнений в рамках их мандата, и любые ограничения этой свободы, кроме случаев прямой «речи вражды», противоречат международным правовым стандартам.

2. Применение принципа парламентского иммунитета к муниципальному уровню

⁴⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Отеги Мондрагон (*Otegi Mondragon*) против Испании», § 53 (*Приложение № 25, стр. 28*).

⁴⁵ Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Селахаттин Демирташ (*Selahattin Demirtaş*) против Турции» (№ 2), § 261 (*Приложение № 25, стр. 41-42*).

⁴⁶ Комитет по правам человека ООН. Замечание общего порядка № 25 (Статья 25: право принимать участие в ведении государственных дел). 12 июля 1996 года. ССРР/С/21/Rev.1/Add7, § 25 (*Приложение № 25, стр. 2*); Комитет по правам человека ООН. Замечание общего порядка № 34 (Статья 19: Свобода мнений и их выражения). 12 сентября 2011 года. ССРР/С/GC/34, § 13, § 20, § 34 (*Приложение № 25, стр. 2*).

⁴⁷ Комитет по правам человека ООН. Замечание общего порядка № 34 (цит. выше), § 38 (*Приложение № 25, стр. 3*).

⁴⁸ Постановление ЕСПЧ по делу «Фере (*Féret*) против Бельгии» (цит. выше), § 64, § 70, § 75, § 77 (*Приложение № 25, стр. 20, 22-24*); Постановление ЕСПЧ по делу «Отеги Мондрагон (*Otegi Mondragon*) против Испании», § 59 (*Приложение № 25, стр. 31-32*); Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (цит. выше), § 140 (*Приложение № 25, стр. 35-36*); Постановление Большой Палаты от 15.05.2023 года по делу «Санчез (*Sanchez*) против Франции», жалоба № 45581/15, § 150, §§ 154-157 (*Приложение № 25, стр. 48-51*).

Приведённые выше принципы, касающиеся иммунитета избранных представителей от преследования за голосования, мнения и заявления, связанные с осуществлением парламентских полномочий, касаются в том числе и муниципальных депутатов.

Несмотря на то, что в практике Конституционного Суда в настоящее время не выработано исчерпывающей теории парламентского иммунитета, включая его действие в отношении муниципальных депутатов, ряд правовых позиций позволяют сделать вывод, что Конституционный Суд исходит из того, что гарантии деятельности депутатов разных уровней публичной власти в России носят однородный характер.

Так, *во-первых*, он отмечает, что неприкосновенность (парламентский иммунитет) — один из основных элементов статуса парламентария и важнейшая правовая гарантия его деятельности; по своему содержанию эта гарантия не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым – парламента, их самостоятельности и независимости (Постановление от 20 февраля 1996 года № 5-П, абзац второй пункта 1).

Во-вторых, он указывает, что в отношении как региональных, так и муниципальных депутатов на федеральном уровне установлены единые принципы процессуальной защиты от уголовного и административного преследования (Постановление от 30 ноября 1995 года № 16-П, абзац второй пункта 4), учитывая, что местное самоуправление является «частью единого механизма народовласти» (Постановление от 27 июня 2013 года № 15-П, пункт 2.1).

При этом Европейский Суд по правам человека в практике по делам о парламентском иммунитете отмечает, в частности, что местные советы «сопоставимы с парламентом с точки зрения общественного интереса в защите свободы публичного выражения мнений участников»⁴⁹. В связи с этим он прямо подтверждал, что члены муниципальных органов обладают аналогичными гарантиями свободы слова, как и депутаты национальных парламентов, а вмешательство в свободу выражения мнения, осуществляемое в рамках этих органов, может быть оправдано только самыми вескими причинами.

Таким образом, в российской и международной правовой практике применяется подход, согласно которому независимость депутатов всех уровней при осуществлении ими своих полномочий, включающих обсуждение общественно значимых вопросов, подлежит одинаковой защите.

⁴⁹ Постановление ЕСПЧ от 27.02.2001 года по делу «Джерусалем (*Jerusalem*) против Австрии», жалоба № 26958/95, § 36, § 40 (*Приложение № 25, стр. 12*); Постановление ЕСПЧ от 18.04.2006 года по делу «Розейро Бенто (*Roseiro Bento*) против Португалии», жалоба № 29288/02, § 44 (*Приложение № 25, стр. 18-19*); Постановление ЕСПЧ от 12 апреля 2012 года по делу «Лескен дю Плесси-Кассо (*Lesquen du Plessis-Casso*) против Франции», жалоба № 54216/09, § 49 (*Приложение № 25, стр. 32-33*).

3. Значение принципа парламентского иммунитета в рамках дела Заявителя

Статья 40 Федерального закона № 131-ФЗ возлагает на государство обязанность обеспечить условия для беспрепятственного осуществления депутатских полномочий (часть 1) и прямо запрещает привлечение депутата к ответственности за выраженное мнение, позицию, голосование и иные действия, соответствующие его статусу, за исключением случаев, когда депутатом были допущены публичные оскорбления, клевета или иные нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законом (часть 9). В настоящем деле Заявитель был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 2 статьи 207.3 УК РФ, с учётом квалифицирующего признака «использование служебного положения», которым суды всех инстанций, включая Верховный Суд Российской Федерации, признали сам по себе статус муниципального депутата. При этом ссылки Заявителя на нормы статьи 40 Закона № 131-ФЗ, предусматривающие с учётом международных стандартов гарантии депутатской неотвечественности за высказывания в ходе осуществления полномочий, были отклонены как нарушающие принцип равенства.

Таким образом, пункт «а» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации во взаимосвязи с частями 1 и 9 статьи 40 Закона № 131-ФЗ по своему буквальному смыслу и смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — допускают не только привлечение муниципального депутата к уголовной ответственности за высказывания, сделанные в рамках осуществления полномочий, но и использование статуса муниципального депутата в качестве квалифицирующего признака состава преступления.

Указанное правовое регулирование не может быть признано конституционно допустимым. В результате такой регламентации и толкования норм статус народного представителя теряет элемент особой защиты, вытекающей из природы депутатского мандата. Это ведёт к нарушению конституционных гарантий свободы выражения мнения, права на участие в управлении делами государства, а также основополагающих принципов парламентаризма и местного самоуправления, включая принцип неотвечественности за высказывания, сделанные в рамках осуществления полномочий депутата.

Так, в своей совокупности оспариваемые положения пункта «а» части 2 статьи 207.3 УК РФ и частей 1 и 9 статьи 40 Закона № 131-ФЗ формируют внутренне противоречивую нормативную конструкцию, которая не соответствует требованиям правовой определённости, предсказуемости и справедливого правопорядка, вытекающим из статьи 1 (часть 1), статьи 2 и 19 (часть 1) Конституции.

В частности, второе предложение части 9 статьи 40 Закона № 131-ФЗ делает оговорку о том, что запрет на привлечение муниципального депутата к ответственности за высказанное мнение не распространяется на случаи, когда депутатом «были допущены публичные оскорбления, клевета или иные нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законом». Такая оговорка, по сути, лишает гарантию, предусмотренную частью 1 и первым предложением части 9

статьи 40, какого-либо практического смысла и открывает путь для применения уголовного закона, включая статью 207.3 УК Российской Федерации, без каких-либо ограничений.

Однако, *во-первых*, в контексте международных стандартов защиты свободы выражения мнения парламентариев данные нормы должны предполагать практически абсолютную защиту от преследования за высказывания, за исключением «речи вражды».

Во-вторых, с учётом этих же стандартов статус муниципального депутата во всяком случае не может рассматриваться какотягчающее обстоятельство, усиливающее ответственность за высказывания, сделанные при исполнении публичных функций.

В-третьих, подход, допускающий привлечение муниципальных депутатов к ответственности за высказывания, и тем более использование статуса муниципального депутата в качестве квалифицирующего признака при привлечении к уголовной ответственности, вступает в противоречие с принципом равенства правового положения выборных представителей власти. Федеральное законодательство признаёт иммунитет за высказывания в рамках мандата на уровне сенаторов и депутатов Государственной Думы (часть 6 статьи 19 Федерального закона от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»), а также региональных депутатов (часть 4 статьи 18 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»). Возможность привлечения сенаторов и депутатов Государственной Думы к уголовной ответственности за высказывания федеральный законодатель допускает только в случае лишения их неприкосновенности. Отсутствие аналогичных механизмов иммунитета на муниципальном уровне не имеет под собой объективных и разумных оснований и создаёт тем самым необоснованные различия в статусе парламентариев в зависимости от уровня представительного органа, членом которого они являются. Тем самым выявленный законодательный пробел подрывает принципы единства публичной власти и равенства её представителей перед законом.

Таким образом, действующее правовое регулирование, допускающее уголовное преследование муниципального депутата за публичные высказывания, сделанные в рамках осуществления им своих полномочий, а также использование его статуса в качестве квалифицирующего признака состава преступления подрывает гарантии свободы выражения мнения и нарушает принципы парламентаризма, правовой определённости и равенства. В совокупности положения частей 1 и 9 статьи 40 Закона № 131-ФЗ содержат правовую неопределённость, оказывают сдерживающее воздействие на осуществление публичных функций муниципальными депутатами и создают риск произвольного вмешательства в их деятельность.

Тем самым пункт «а» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации во взаимосвязи с частями 1 и 9 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ отступает от конституционного принципа парламентского иммунитета и нарушают права

Заявителя на свободу слова и участие в управлении делами государства, гарантированные статьями её статьям 1 (часть 1), 3 (части 1, 2 и 3), 12, 17 (часть 1), 29 (части 1, 3 и 4), 32 (части 1 и 2), 55 (части 1 и 3) и 130 Конституции.

IV. ТРЕБОВАНИЕ, ОБРАЩЕННОЕ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ

На основании изложенного, руководствуясь частью 4 статьи 125 Конституции, пунктом 3 части первой статьи 3, статьями 36–39, 96 и 97 Закона о Конституционном Суде,

просим Конституционный Суд Российской Федерации:

1. Признать статью 207.3 УК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, её 13 (части 1, 2 и 3), 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 28, 29 (части 1, 3, 4), 32 (части 1 и 2), 55 (части 2 и 3).

2. Признать пункт «а» части 2 статьи 207.3 УК Российской Федерации во взаимосвязи с частями 1 и 9 статьи 40 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не соответствующим Конституции Российской Федерации, её статьям 1 (часть 1), 3 (части 1, 2 и 3), 12, 17 (часть 1), 29 (части 1, 3 и 4), 32 (части 1 и 2), 55 (части 1 и 3) и 130, в той мере, в какой по своему буквальному смыслу и смыслу, придаваемому данным нормам правоприменительной практикой, они допускают привлечение муниципального депутата к уголовной ответственности за высказывания, сделанные в рамках осуществления полномочий, а также использование статуса муниципального депутата в качестве квалифицирующего признака состава преступления — «с использованием служебного положения».

3. Постановить, что правоприменительные решения по уголовному делу Алексея Александровича Горинова подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Постановить, что правоприменительные решения, вынесенные на основании статьи 207.3 УК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Приложения:

1. Квитанция об оплате государственной пошлины (на 1 л.);
2. Текст акта, подлежащего проверке (на 2 л.);
3. Заверенная копия доверенности (на 1 л.);
4. Ордер адвоката О.Г. Подоплеловой от 14 апреля 2025 года № 138 (на 1 л.);
5. Ордер адвоката К.В. Тертухиной от 14 апреля 2025 года № 3/354 (на 1 л.);
6. Ходатайство в Мещанский районный суд города Москвы о приобщении актов международных организаций в качестве письменных доказательств (на 12 л.);
7. Ходатайство в Мещанский районный суд города Москвы о приостановлении производства по делу и направлении запроса в Конституционный Суд о проверке конституционности статьи 207.3 УК Российской Федерации (на 10 л.);

8. Выдержка из протокола судебного заседания в Мещанском районном суде города Москвы (на 12 л.);
9. Письменная позиция стороны защиты в прениях в Мещанском районном суде города Москвы (на 16 л.);
10. Приговор Мещанского районного суда города Москвы от 8 июля 2022 года (на 25 л.);
11. Апелляционная жалоба защитника Заявителя (на 21 л.);
12. Апелляционная жалоба Заявителя (на 11 л.);
13. Ходатайство в Московский городской суд о приостановлении производства по делу и направлении запроса в Конституционный Суд о проверке конституционности статьи 207.3 УК Российской Федерации (на 10 л.);
14. Выдержка из протокола судебного заседания в Московском городском суде (на 7 л.);
15. Апелляционное определение Московского городского суда от 19 сентября 2022 года (на 20 л.);
16. Кассационная жалоба защитника Заявителя во Второй кассационный суд общей юрисдикции (на 21 л.);
17. Кассационная жалоба Заявителя во Второй кассационный суд общей юрисдикции (на 7 л.);
18. Ходатайство во Второй кассационный суд общей юрисдикции о приостановлении производства по делу и направлении запроса в Конституционный Суд о проверке конституционности статьи 207.3 УК Российской Федерации (на 12 л.);
19. Выдержка из протокола судебного заседания во Втором кассационном суде общей юрисдикции (на 12 л.);
20. Заверенная копия перевода Мнения Рабочей группы по произвольным задержаниям от 17 марта 2023 года (на 33 л.);
21. Кассационное определение Второго кассационного суда от 8 августа 2023 года (на 11 л.);
22. Кассационная жалоба адвоката Заявителя в Верховный Суд (на 10 л.);
23. Постановление Верховного Суда об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 7 февраля 2025 года (на 5 л.);
24. Анализ судебной практики по статье 207.3 УК Российской Федерации (на 17 л.);
25. Обзор международных источников по вопросу о свободе слова парламентариев и парламентском иммунитете (на 54 л.).

Представители

О.Г. Подоплелова

К.В. Тертухина